

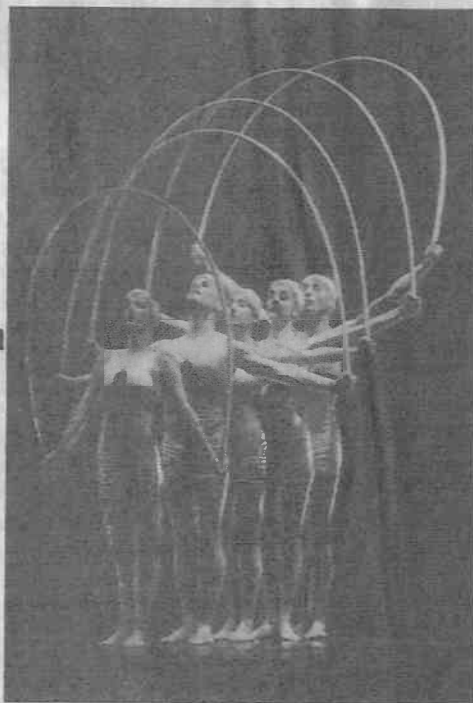
С творчеством Мозеса Пендлтона, создателя знаменитого «Пилоболуса», московская публика познакомилась четыре года назад. Цюрихская труппа «Муверс» показала его спектакль «АккорДИОН».

Тогда Пендлтон непринужденно и легко подшучивал над основными принципами постмодернизма. Экстравагантная лексика, впитавшая элементы спорта, цирка, акробатики, свободного танца, отвергала каноны всех вместе взятых пластических систем. Представление собирало в мозаику абстрактные эпизоды, сопровождаемые световыми проекциями на прозрачный экран, заволакивавший сцену. Световая графика и танцевальные зарисовки сметали «содержание, фабулу» в привычном понимании и вместе с тем вызывали множество ассоциаций. Тот веселый спектакль казался разминкой, проговариванием новой азбуки, эскизом к будущей большой и важной работе.

Вполне возможно, такой работой стал спектакль «Страсть», поставленный Пендлтоном в том же 1991 году в его труппе «Момикс» и показанный в Москве несколько дней назад благодаря стараниям артистического агентства «Ардани». Форма представления, его эстетика и поэтика во многом перекликались с «АккорДИОном», а некоторые эпизоды были повторены буквально. Вновь сплетались в загадочные фигуры тела танцовщиков, растекались кляксами, извивались вслед за струящимися

Страсти

Мозеса

Рубашура. - 1995. - 17 июня. - С. 9

лентами... Кабалистические знаки сменялись скульптурами древних богов. Для актеров-гимнастов «Момикса» нет ничего невозможного, они — податливый материал, откликающийся на малейшую прихоть фантазии художника.

Световая аппаратура стала намного совершеннее (сценография и свет — Мозес Пендлтон, Брюс Голдштейн, техническое обеспечение — Джон Файнен, Виктор Соломон, световое обеспечение — Сергей Макряшин). Цветные изображения достигли почти стереоскопического эффекта. На прозрачном аванзанавесе

представляли приметы различных эпох и цивилизаций, лучи компьютерного проектора листали «страницы» глиняных книг, ворошили современные фотоснимки и репродукции шедевров старых мастеров. Среди картинок, порой напоминавших иллюстрации к энциклопедии «Мифы народов мира», то и дело возникал образ подсолнуха — поле желтых лепестков, плотно закрученные круги и спирали из зернышек... Подсолнух для Пендлтона — модель Вселенной. Как рассказали на пресс-конференции его артисты, хореограф может часами

медитировать, созерцая любимый цветок.

Некоторые эпизоды «вспоминали» евангельские сюжеты. «В Гефсиманском саду», «Воскрешение Лазаря», «Хлеб и вино» — программка, перечислявшая названия 21 номера, отчетливо заявляла тему спектакля.

На сцене бушевал поток шифров и знаков — картинки менялись быстрее, чем кадры в видеоклипе. Коннектикутский отшельник стремился высказать все, что познал за долгие годы философских штудий. Тела танцовщиков, качели и вуали, шесты и ленты (художник по костюмам — Синтия Куин), согласуясь со световыми картинками, рисовали систему мироздания, рассыпающуюся на мириады осколков. Замысловатая путаница линий расправлялась в фигуры-символы — спираль, круг и крест.

«Серьезное» творение Пендлтона утратило обаяние эскизности. «Система», отсутствие которой так подкупало в швейцарском спектакле, в «Страсти» оформилась окончательно. Летучие ассоциации стали более конкретными, а потому несколько навязчивыми, приемы, доведенные до совершенства, порой воспринимались как самоцель. И все же... Не переставали завораживать фантастическая красота линий, чуткое следование музыке Питера Гэбриэля, оригинальное использование пространства и отточенное мастерство исполнителей — Лизы Нафегар, Стива Гонзалеса, Брайана Самерсона, Эрин Эллиот, Джулии Стацциоли — беззаветных жрецов своего мастерства.

Елена
ГУБАЙДУЛЛИНА.

Фото В. Луповского.